

Guy de
MAUPASSANT
1850–1893

Ги де
МОПАССАН

Пышка

Новеллы

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
М 78

Перевод с французского
М. Абкиной, Н. Жарковой, Ю. Корнеева, Е. Любимовой,
Г. Рачинского, А. Федорова, А. Чеботаревской

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

© Н. Жаркова (наследник), перевод, 2018
© Ю. Корнеев (наследники), перевод, 2018
© Е. Любимова (наследник), перевод, 2018
© А. Федоров (наследник), перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12150-8

ОТШЕЛЬНИК

В обществе нескольких знакомых я посетил старого отшельника, который обосновался под высокими деревьями древнего могильного кургана на равнине, простирающейся от Канна до Напуля.

Возвращаясь, мы толковали об этих чудаковатых мирских анахоретах, когда-то многочисленных, а теперь встречающихся все реже и реже. Мы силились уяснить себе, какие нравственные побуждения, какие горести толкали людей былых времен к пустынножительству.

Неожиданно один из моих приятелей заговорил:

— Я знавал двух таких пустынников — мужчину и женщину. Женщина, вероятно, еще жива. Лет пять назад кровом ей служили развалины на вершине совершенно безлюдной горы на побережье Корсики, километрах в пятнадцати-двадцати от ближайшего жилья. Она ютилась в них со своей служанкой; я побывал у нее. В прошлом это несомненно была светская дама. Приняла она меня вежливо, даже любезно, но я так ничего о ней и не знаю — ни о чем не догадался.

А вот мрачную историю мужчины я вам расскажу.

Оглянитесь. Видите вон там, позади Напуля и перед высотами Эстереля, одинокий крутой и лесистый холм? В здешних краях его зовут Змеиной горой. Там, в руинах маленького античного храма, и обитал лет двенадцать назад мой отшельник.

Прослышав про него, я решил свести с ним знакомство и однажды мартовским утром отправился туда из Канна верхом. В Напуле я оставил лошадь на постоялом дворе и пешком взобрался на этот странный конус вышиной в полтораста-двести метров, заросший пахучим кустарником; особенно много там ладанника, аромат которого так крепок и резок, что голова тяжелеет и разбалчивается. По каменистой почве то и дело шмыгают длинные ужи — проскользнут и скроются в траве. Отсюда вполне заслуженное название — Змеиная гора. Бывают дни, когда поднимаешься по залитому солнцем склону и кажется, что змеи рождаются прямо у тебя под ногами. Их столько, что боязно ступить, и душу охватывает непонятная тревога: не страх — ужи безвредны, а нечто вроде мистического трепета. У меня несколько раз появлялось ощущение, будто я восхожу на священную гору древности, живописный, благоуханный, таинственный холм, поросший ладанником, населенный змеями и увенчанный храмом.

Храм этот существует поныне. Меня, по крайней мере, уверяли, что это храм. А в подробности я не вдавался: не хотел портить себе впечатление.

Итак, однажды, мартовским утром, я вскарабкался на этот холм под предлогом, что собираюсь полюбоваться пейзажем. Добравшись до верхушки, я действительно увидел там какие-то стены и человека, сидевшего на камне. Лет ему было от си-

лы сорок пять: хотя голова у него совсем уже поседела, борода оставалась еще почти черной. Он держал на коленях свернувшуюся клубочком кошку, поглаживал ее и, казалось, не обращал на меня внимания. Я обогнул развалины, в углу которых, отгородив его камнями и накрыв ветками, соломой и травой, незнакомец устроил себе жилище, и снова вышел к месту, где он сидел.

Вид оттуда изумительный! Справа — причудливые остроконечные вершины Эстереля; за ними, вплоть до далекого итальянского побережья с его несчетными бухтами, — море без конца и края; напротив Канна — Леренские острова, зеленые, плоские, словно плывущие по волнам, и на самом дальнем из них — высокая старинная крепость с зубчатыми башнями, словно встающая прямо из вод.

Вдоль берега протянулась бесконечная, как четки, вереница белых, утопающих в садах вилл и городков. Издали они кажутся бесчисленными, отложенными в зелень яйцами, а над ними возносятся Альпы, даже летом не сбрасывающие своих снеговых капюшонов.

У меня вырвалось:

— Господи, красота-то какая!

Человек поднял голову и возразил:

— Да, но когда видишь ее с утра до вечера, она приедается.

Ага, значит, мой отшельник не разучился говорить и сучает по собеседнику! Теперь он у меня в кармане.

В тот день я пробыл с ним недолго и попытался лишь определить тип его мизантропии. Он показался мне прежде всего человеком, который устал от людей, всем пресыщен, безнадежно разочарован, преисполнен отвращения к себе и ближним.

Побеседовав с полчаса, мы расстались. Через неделю я вернулся снова, еще через одну — опять, потом мои еженедельные посещения стали регулярными, и не прошло двух месяцев, как мы подружились.

Наконец как-то вечером, на исходе мая, я решил, что настал подходящий момент, и, прихватив с собой съестного, отправился на Змеиную гору пообедать с пустынником.

Был благоуханный вечер, подлинный вечер Юга, где выращивают цветы, как на Севере хлеб, и производят почти все снадобья, которыми надушены тела и платья женщин; вечер, когда дыхание апельсиновых деревьев в каждом саду, в каждом уголке долины пробуждает истомное волнение и жажду любви даже в стариках.

Мой анахорет встретил меня с нескрываемой радостью и охотно согласился разделить со мной трапезу.

Я уговорил его выпить вина, от которого он отвык; он оживился и заговорил о своем прошлом. Раньше он безвыездно жил в Париже, и, по-моему, жил в свое удовольствие.

Я в упор спросил его:

— С чего вам взбрело в голову забраться сюда, на верхотуру?

Он не задумываясь ответил:

— Видите ли, я испытал сильнейшее потрясение, какое только выпадает на долю человека. Зачем скрывать от вас мое несчастье? Может быть, оно внушит вам сострадание. И потом, я никому в нем не признавался — никому, никогда, и я не прочь узнать, что подумают и скажут о нем другие.

Я родился, получил образование и прожил всю жизнь в Париже. От родителей мне досталось несколько тысяч франков ренты, по протекции я получил скромное, зато спокойное место и — для холостяка — был довольно богатым человеком.

Холостяцкую жизнь я вел с самой юности. Вы знаете, что это такое. Без семьи, ничем не связанный, твердо решив не обзаводиться законной половиной, я три месяца жил с одной, полгода с другой, а иногда по целому году обходился без любовницы и довольствовался случайными подружками из неслетного числа доступных или продажных женщин.

Такое заурядное и, если хотите, убогое существование вполне меня устраивало: оно отвечало моей природной склонности к переменам и праздности. Я проводил свои дни на бульварах, в театрах, в кафе, всегда на людях, почти как бездомный, хотя квартира у меня была — и недурная. Я стал одним из множества тех людей, которые плывут по жизни, как пробка по течению, для которых мир ограничен стенами Парижа и которые не ведают забот, потому что никого не любят. Я был, что называется, славный малый, без достоинств и без недостатков, — вот и все. Поверьте, я беспристрастен к себе.

Так, без особых событий, медленно и молниеносно текла моя жизнь с двадцати до сорока лет. Как быстро уносятся эти монотонные годы парижской жизни, не оставляющие в душе никаких ярких воспоминаний, эти долгие и неудержимые, пошлые и веселые годы, когда ешь, пьешь, беспричинно смеешься, тянешься губами ко всему, что можно отве-
дать или поцеловать, и ни к чему, в сущности, не

стремишься! Проходит молодость, приближается старость, а ты не сделал ничего, что делают другие: у тебя ни привязанностей, ни корней, ни опоры, ни родных, ни жены, ни потомства; друзей — и то почти нет!

Словом, я незаметно и скоро достиг сорока лет и отметил эту годовщину, угостив сам себя хорошим обедом в дорогом кафе. Я был один на свете, и мне представлялось забавным отпраздновать свой день рождения тоже в одиночестве.

Пообедав, я задумался: куда деться дальше? Сперва хотел отправиться в театр, потом мне пришло на ум совершить паломничество в Латинский квартал, где я когда-то изучал право. Я проехал туда через весь Париж и забрел наугад в одну из тех пивных, где подают девушки.

Официантка, обслуживавшая мой столик, была молоденькая, хорошенькая и смешливая. Я предложил ей выпить со мной, она сразу же согласилась и, усевшись напротив, бросила мне многообещающий взгляд, хотя даже не имела времени сообразить, что, собственно, перед ней за мужчина. Это была очень светлая, свежая, совсем свежая блондинка, под тугим корсажем которой угадывалось плотное розовое тело. Я наговорил ей кучу дурацких любезностей, какие принято адресовать таким особам, но она в самом деле была прелестна, и у меня внезапно мелькнула мысль: не увести ли ее с собой... Опять-таки, чтобы отпраздновать мое сорокалетие. Уговорил я ее легко и быстро. Она сказала, что свободна... уже две недели... и согласилась для начала поужинать со мной — после работы, конечно, — где-нибудь у Центрального рынка.

Из опасения, как бы она не обманула меня, — разве угадаешь, что может случиться, кого занесет в пивную, какая муха укусит женщину? — я просидел там весь вечер, поджидая ее.

Я тоже был свободен месяц или два и, глядя, как спует между столиками эта миленькая дебютантка на поприще любви, спрашивал себя, не контрактировать ли ее на известный срок? Не забывайте: я описываю вульгарное, но обычное для парижанина приключение.

Извините за откровенные подробности. Те, кто не изведal поэтичной любви, выбирают женщину, как котлету в мясной, — их интересует только доброта товара.

Словом, мы отправились к ней: своя постель для меня священна. Девушка занимала бедную, но чистенькую комнатку на шестом этаже, обычное жилище работницы, и я очаровательно провел там два часа. Малышка оказалась на редкость милой и приятной.

Провожать меня она не встала; я уговорился о следующей встрече и, подойдя к камину, чтобы оставить на нем традиционный подарок, скользнул глазами по часам под стеклянным колпаком, двум вазочкам с цветами и двум фотографиям, одна из которых, очень давняя, представляла собой так называемый дагерротип, то есть отпечаток на стекле. Случайно нагнувшись над ним, я остолбенел, не в силах ничего понять. Это был мой собственный и первый в жизни портрет: мне сделали его, еще когда я студентом жил в Латинском квартале.

Я схватил снимок и всмотрелся. Нет, я не ошибся... Я чуть не расхохотался — таким все это выглядело неожиданным и забавным.

Я осведомился:

— Кто этот господин?

Девушка ответила:

— Мой отец, но я его не знаю. Мама оставила мне карточку и наказала беречь — мол, когда-нибудь сгодится.

Она помолчала, рассмеялась и добавила:

— Только вот не пойму на что. Вряд ли папаша станет меня разыскивать.

Сердце мое билось отчаянней, чем берет в га-лоп лошадь, закусившая удила. Я положил фотографию на камин, накрыл ее, плохо соображая, что делаю, двумя стофранковыми билетами, которые были при мне, и убежал, крикнув на прощание:

— До скорого свидания, дорогая! До скорого!

Я слышал, как она отозвалась:

— До вторника!

Потом по неосвещенной лестнице я на ощупь спустился вниз. Выйдя из подъезда, заметил, что идет дождь, и торопливо свернул в первый же переулок.

Я брел куда глаза глядят, растерянный, ошеломленный, изо всех сил напрягая память. Возможно ли?.. Да. Я вспомнил вдруг, как одна девушка, с месяц после нашего разрыва, написала мне, что беременна от меня. Я не то разорвал, не то сжег письмо и забыл о нем. Нет, надо было приглядеться к портрету женщины, стоявшему на камине. Но разве я узнал бы ее? Кажется, на нем была изображена старуха.

Я добрался до набережной. Увидел скамейку, сел. Дождь не переставал. Мимо под зонтиками шли редкие прохожие. Жизнь раскрывалась передо мной во всей своей низости и безобразии, осквер-

ненная горем, позором, вольными и невольными мерзостями. Моя дочь! Неужели я только что обладал собственной дочерью?.. Париж, огромный, мрачный, грязный, безотрадный, черный Париж с его запертыми наглухо дверями — да он же полон всякого непотребства: прелюбодеяний, кровосмешательства, растления малолетних! Мне вспомнились слухи о гнусных развратниках, рыщущих под мостами...

А я, сам того не желая и не ведая, опустился еще ниже этих подонков. Я спал с собственной дочерью!

Я чуть было не утопился. Я обезумел! Побродил по улицам до утра, потом вернулся к себе и стал думать.

Поступил я так, как считал наиболее разумным: обратившись к нотариусу якобы от имени друга, поручил ему вызвать девушку и узнать, при каких обстоятельствах мать передала ей портрет предполагаемого отца.

Нотариус исполнил все в точности. Покойница открыла дочери, кто ее отец, на смертном одре и при священнике, которого мне назвали.

Тогда от имени того же неизвестного друга я перевел на девушку половину своего состояния, примерно сто сорок тысяч франков, с условием, что она будет пользоваться только рентой; потом подал в отставку, и вот я здесь.

Блуждая по берегу, я наткнулся на этот холм, где и обосновался — не знаю уж, надолго ли.

Что вы думаете обо мне и о том, что я сделал?

Я протянул ему руку и сказал:

— Вы сделали то, что должны были сделать. Мало кто принял бы так близко к сердцу эту страшную роковую случайность.

Он ответил:

— Знаю, но я-то чуть не рехнулся. Видимо, душа у меня оказалась восприимчивей, чем я подозревал. И теперь я боюсь Парижа, как верующие, должно быть, боятся ада. Меня оглушило — и все тут, оглушило, как будто я шел по улице и на голову мою упала черепица. Правда, в последнее время мне стало легче.

Я расстался с отшельником, глубоко взволнованный его рассказом.

Виделись мы еще дважды, после чего я уехал: я стараюсь не задерживаться на Юге позже конца мая.

На следующий год я вернулся, но на Змеиной горе уже не оказалось ее обитателя, и больше я о нем не слышал.

Вот вам история моего пустынножителя.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ПЕРЛЬ

I

Поистине странная мысль пришла мне в голову в тот вечер — мысль избрать королевой мадемуазель Перль!

Крещенский сочельник я ежегодно провожу у моего старого друга Шанталя. Когда я был маленьким, меня возил к нему мой отец, который был его ближайшим другом. Я продолжил эту традицию и, без сомнения, буду продолжать ее, покуда жив и покуда на этом свете останется хоть один Шанталь.

Надо сказать, что Шантали живут как-то странно: в Париже они ведут такой же образ жизни, какой ведут обитатели Грасса, Ивето или Понт-а-Муссона.

Они живут в доме с небольшим садом около Обсерватории. Там они чувствуют себя как дома, как в провинции. Парижа, настоящего Парижа они не знают, они не имеют о нем ни малейшего представления, они так далеки, так бесконечно далеки от него! Порою, однако, они совершают путешествие в Париж, и притом долгое путешествие. Г-жа Шанталь отправляется «запасаться провизией», как это называется в семье. А «запасаться провизией» означает вот что.

Мадемуазель Перль, у которой хранятся ключи от кухонных шкафов (бельевые шкафы находятся под надзором самой хозяйки дома), видит, что запасы сахара подходят к концу, что консервы кончились и что на дне мешка, в котором хранится кофе, осталось всего ничего. И тут г-жа Шанталь принимает меры против голода: она производит смотр оставшимся продуктам и делает заметки в своей записной книжке; когда цифр накапливается много, она вся уходит сперва в бесконечные вычисления, потом в бесконечные споры с мадемуазель Перль. Дело кончается тем, что они приходят к соглашению и устанавливают точное количество продуктов, которыми необходимо запастись на три месяца вперед: количество сахара, риса, чернослива, кофе, варенья, банок с зеленым горошком, фасоли, омаров, соленой или же копченой рыбы и прочего и прочего.

Затем назначается день для закупок; они садятся в фиакр, в извозчичью карету с багажником наверху, и отправляются в лавку солидного бакалейщика по ту сторону мостов, в новые кварталы.

Госпожа Шанталь и мадемуазель Перль совершают это таинственное путешествие вместе и возвращаются к обеду, все еще взволнованные, измученные тряской в экипаже, верх которого завален мешками и свертками, словно это фургон для доставки грузов.

Весь Париж, расположенный по ту сторону Сены, — это для Шанталей новые кварталы, причем кварталы, заселенные странными, шумными и не весьма почтенными людьми, которые день тратят на развлечения, а ночь на кутежи и бросают деньги на ветер. Со всем тем время от времени они вы-

возят дочерей в театры — в Комическую оперу или же во Французский театр, вывозят в том случае, если пьесу расхваливает газета, которую читает г-н Шанталь.

Девицы Шанталь еще совсем молоденькие: одной из них девятнадцать, другой семнадцать лет; это красивые девушки, высокие и свежие, прекрасно воспитанные, слишком хорошо воспитанные, так хорошо воспитанные, что их и не замечаешь, словно это хорошенькие куколки. Никогда в жизни не придет мне в голову обратить внимание на барышень Шанталь или поухаживать за ними; от них веет такой невинностью, что вы не без боязни решаетесь с ними заговорить; даже здороваясь с ними, вы рискуете показаться дерзким.

Их отец — прелестный человек, очень образованный, очень простодушный, очень сердечный; превыше всего он ценит покой, отдых, тишину, а потому сделал все от себя зависящее, чтобы превратить членов своей семьи в манекенов и жить по своему вкусу, в тихой заводи. Он много читает, охотно вступает в разговор, его легко растрогать. Отсутствие связей, столкновений, частых встреч с людьми сделало весьма чувствительной и нежной его эпидерму, эпидерму его души. Любой пустяк волнует его, приводит в смятение и причиняет ему боль.

И все же знакомые у Шанталей есть — эти знакомые придирчиво выбраны среди соседей, — но круг их весьма ограничен. Кроме того, раза три в год Шантали обмениваются визитами с теми родственниками, которые живут далеко от них.

Я обедаю у них пятнадцатого августа и в Крещенский сочельник. Для меня это такой же не-

пременный долг, как для католиков причастие на Пасху.

На пятнадцатое августа Шантали приглашают кое-кого из друзей, но в сочельник я у них единственный гость.

II

Итак, в этом году я, как всегда, обедал у Шанталей в канун Богоявления.

Я, как всегда, расцеловался с г-ном Шанталем, г-жой Шанталь и с мадемуазель Перль и отвесил низкий поклон мадемуазель Луизе и мадемуазель Полине. Меня принялись расспрашивать обо всем на свете — о скандальных происшествиях, о политике, о том, как относятся у нас к положению дел в Тонкине, и о наших дипломатах. У г-жи Шанталь, тучной дамы, все мысли которой кажутся мне квадратными, как каменные плиты, была привычка из любого спора о политике делать нижеследующий вывод: «Все это до добра не доведет». И почему, собственно, я всегда представлял себе мысли г-жи Шанталь в виде квадратов? Понятия не имею, но все, что бы она ни сказала, принимает в моем воображении именно эту форму — форму квадрата, большого квадрата с четырьмя симметричными углами. Есть люди, чьи мысли всегда кажутся мне круглыми и катящимися, как обручи. Как только заговорит такой человек — пошло-поехало, покати-лось десять, двадцать, пятьдесят круглых мыслей, больших и маленьких, и я так и вижу, как они бегут одна за другой до самого горизонта. А еще есть люди, у которых мысли остроконечные... Впрочем, к моему рассказу это отношения не имеет.

Мы уселись за стол так, как садились всегда, и ничего, достойного упоминания, за обедом не произошло.

На сладкое был подан крещенский пирог. Каждый год королем оказывался г-н Шанталь. Я не знаю, было ли то дело упрямого случая или же семейный заговор, но только он неизменно находил боб в своем куске пирога и провозглашал королевой г-жу Шанталь. Потому-то велико было мое изумление, когда в моем куске мне попало нечто столь твердое, что я едва не сломал себе зуб. Я осторожно извлек изо рта этот предмет и увидел крошечную фарфоровую куколку величиной с боб. От неожиданности я вскрикнул: «Ах!» Все посмотрели на меня, и Шанталь, хлопая в ладоши, закричал:

— У Гастона, у Гастона! Да здравствует король! Да здравствует король!

Все в один голос подхватили:

— Да здравствует король!

А я весь залился краской — так часто без видимой причины краснеют люди, очутившиеся в довольно глупом положении. Я сидел, опустив глаза, держа двумя пальцами фарфоровое зернышко, силясь засмеяться и не зная, что мне сказать и что сделать, но тут снова заговорил Шанталь:

— А теперь ты должен выбрать королеву.

Вот тут-то я совсем растерялся. За одну секунду множество мыслей, множество предположений пронеслось у меня в голове. Уж не хотят ли заставить меня выбрать одну из барышень Шанталь? Не есть ли это способ заставить меня сделать выбор? Не есть ли это деликатная, осторожная, скрытая попытка родителей подтолкнуть меня к браку? Мысль

о браке всегда бродит в домах, где есть взрослые девушки, и принимает все формы, все обличья, осуществляется всеми способами. Меня охватил безумный страх скомпрометировать себя и отчаянная робость перед непобедимой чопорностью и неприступностью Луизы и Полины. Выбрать одну из них представлялось мне делом таким же трудным, как сделать выбор между двумя каплями воды; к тому же мысль о том, как бы не ввязаться в такую историю, когда меня против воли, тихо-спокойно женят с помощью таких ловких, незаметных и осторожных приемов, как эта призрачная королевская власть, приводила меня в ужас.

Но тут меня осенило, и я протянул символическую куколку мадемуазель Перль. Сперва все пришли в изумление, но затем, должно быть оценив мою скромность и деликатность, бешено заплодировали.

— Да здравствует королева! Да здравствует королева! — хором кричали все.

А несчастная старая дева совсем растерялась; дрожащим от волнения голосом она лепетала:

— Нет... нет... нет... не меня... пожалуйста... не меня, пожалуйста...

И тут впервые в жизни я обратил внимание на мадемуазель Перль и спросил себя, что же она собой представляет.

Я привык смотреть на нее в этом доме так, как смотрят на старые штофные кресла, на которых сидишь с детства и которых никогда не замечаешь. И вдруг в один прекрасный день, сам не зная почему, — быть может, потому, что на обивку упал солнечный луч, — неожиданно говоришь себе: «А ведь это занятная штука!» — и обнаруживаешь, что резь-

ба по дереву выполнена художником, а обивка великолепна.

Я никогда не замечал мадемуазель Перль.

Она жила в семье Шанталей, вот и все. Но почему? И на каких правах?

Высокая, худая, она старалась быть незаметной, но отнюдь не была ничтожной. С ней обращались дружески, лучше, чем с экономкой, но хуже, чем с родственницей. Сейчас я неожиданно вспомнил множество нюансов, на которые доселе не обращал внимания. Г-жа Шанталь говорила ей «Перль», барышни — «мадемуазель Перль», а сам Шанталь называл ее просто «мадемуазель» — пожалуй, это выходило у него почтительнее, чем у них.

Я принялся рассматривать ее. Сколько ей могло быть лет? Лет сорок? Да, пожалуй что сорок. Эта пожилая девушка не была старухой — она себя старила. Я был неожиданно поражен этим наблюдением. Она смешно причесывалась, смешно одевалась, носила смешные украшения и при всем том вовсе не казалась смешной — так много было в ней врожденного, естественного изящества, изящества прячущегося и тщательно скрываемого. Вот уж действительно странное существо! И как это я до сих пор хорошенько не разглядел ее? Она носила нелепую прическу с какими-то комичными старушечьими буколками, но под ее волосами, убранными в стиле Непорочной Девы, был виден высокий чистый лоб, прорезанный двумя глубокими морщинами — то были морщины, проведенные глубокой печалью, — большие голубые добрые глаза, такие застенчивые, такие боязливые, такие смиренные, — чудесные глаза, сохранившие свою наивность, полные детского изумления, юной чувствительности

и вместе с тем глубоко затаенной грусти, которая смягчала их выражение, но от которой они не потускнели.

Черты ее лица были тонкие и благородные; это было одно из тех лиц, которые увядают, еще не успев постареть, поблекнуть от усталости или от великих страстей.

Какой у нее прелестный рот! И какие прелестные зубки! Но я бы сказал, что улыбаться она не смеет.

И тут я сравнил ее с г-жой Шанталь. Мадемуазель Перль несомненно была лучше, во сто раз лучше, тоньше, благороднее, величавее.

Эти наблюдения поразили меня.

Разлили шампанское. Протянув руку с бокалом в сторону королевы, я провозгласил тост за ее здоровье и ввернул какой-то удачный комплимент. Ей хотелось — я заметил это — закрыть лицо салфеткой; когда же она пригубила золотистое вино, все закричали: «Королева пьет! Королева пьет!» И тут она покраснела и поперхнулась. Все засмеялись; но я прекрасно видел, что в этом доме ее очень любят.

III

Как только обед кончился, Шанталь взял меня под руку. Это были священные мгновенья — мгновенья, когда он выкуривал сигару. Если он был один, он выходил курить на улицу; если же к обеду кто-нибудь приходил, он шел в бильярдную и курил за партией. В этот вечер ради праздника в бильярдной даже затопили; мой старый друг взял свой кий, тонкий-тонкий кий, который он тщательно натер мелом, и сказал:

— Тебе начинать, мой мальчик!

Надо заметить, что он говорил мне «ты»: несмотря на мои двадцать пять лет, он все еще смотрел на меня как на ребенка. Итак, я начал партию; я сделал несколько карамболей и несколько раз промахнулся, но мысли о мадемуазель Перль все бродили у меня в голове, и я вдруг спросил:

— Скажите, пожалуйста, господин Шанталь: мадемуазель Перль — это ваша родственница?

Он очень удивился, прервал игру и посмотрел на меня.

— Как! Разве ты не знаешь? Тебе не рассказывали историю мадемуазель Перль?

— Нет.

— Твой отец никогда не говорил тебе о ней?

— Нет, нет.

— Ну и ну! Чудно! По правде говоря, очень чудно! Да ведь это настоящее приключение!

Помолчав, он заговорил снова:

— И если б ты только знал, как странно, что ты спросил меня об этом именно сегодня, в Крещенский сочельник!

— Почему странно?

— Почему? А вот послушай. Как раз сегодня, в день Богоявления, тому уже сорок один год, ровно сорок один год. Мы жили тогда у крепостного вала в Роюи-ле-Тор; но сперва, чтобы тебе все было ясно, я должен объяснить, что представлял собой наш дом. Роюи построили на косогоре, вернее, на холме, который возвышается над бескрайними просторами. Там у нас был дом с чудесным висячим садом, который держали на воздухе старые крепостные стены. Таким образом, дом стоял в городе, на улице, а сад возвышался над равниной. В саду бы-

ла калитка, которая выходила в поле: к ней спускалась потайная лестница, прорубленная в толще стены, — точь-в-точь как в романах. К этой калитке вела дорога, а к самой калитке был подвешен большой колокол: крестьяне, чтобы не делать круга, подвозили провизию прямо туда.

Ты хорошо представляешь себе эти места, не правда ли?

Так вот, в том году всю неделю перед Крещением шел снег. Можно было подумать, что настал конец света. Когда мы поднимались на вал, чтобы взглянуть на равнину, кровь стыла у нас в жилах при виде этого бесконечного белого, совершенно белого, ледяного простора, сверкавшего так, словно его покрыли лаком. Можно было подумать, что сам Господь Бог упаковал землю, чтобы отправить ее на чердак исчезнувших миров. Зрелище, уверяю тебя, было весьма печальное.

Жили мы в ту пору все вместе, и семья была большая, даже очень большая: отец, мать, дядя, тетка, двое моих братьев и четыре моих двоюродных сестры, хорошенькие девочки; на младшей из них я и женился. Из всех этих людей в живых теперь осталось только трое: моя жена, я и моя невестка — она живет в Марселе. Господи, как быстро редет семья! Как подумаю, прямо мороз по коже подирает! Ведь тогда мне было пятнадцать лет, а сейчас пятьдесят шесть!

Итак, мы собирались праздновать Крещение; нам было весело, очень весело! К обеду все собрались в гостиной, и тут мой старший брат Жак сказал: «На равнине вот уже минут десять воеет собака; должно быть, заблудилась, бедная».

Не успел он договорить, как в саду зазвонил колокол. Он обладал густым звуком церковных колоколов, услышав который невольно вспоминаешь об умерших. Все вздрогнули. Отец кликнул слугу и велел ему пойти посмотреть, что случилось. Ждали его в полной тишине; думали мы о снеге, покрывавшем землю. Лакей вернулся и стал уверять нас, что ничего не видно. А собака выла не умолкая, и вой ее не приближался и не удалялся.

Мы хоть и сели за стол, но были взволнованы, особенно молодежь. Все шло благополучно, пока не подали жаркое: тут колокол зазвонил снова — один за другим раздались три удара, три сильных, долгих удара, от которых дрожь прошла у нас по всему телу и внезапно перехватило дыхание. Мы замерли, глядя друг на друга, подняв вилки, и все прислушивались, охваченные каким-то сверхъестественным ужасом.

Наконец матушка сказала: «Как странно — второй раз зазвонили много времени спустя! Не ходите туда одни, Батист, с вами пойдет кто-нибудь из господ».

Из-за стола встал дядя Франсуа. Это был настоящий Геркулес; он очень гордился своей силой и не боялся ничего на свете. Отец сказал ему: «Захвати ружье. Кто знает, что там такое».

Но дядя взял только трость и вышел со слугой.

А мы сидели, дрожа от ужаса, от волнения, молча и не шевелясь. Отец попытался нас успокоить. «Вот увидите, это либо нищий, либо прохожий, который сбился с пути в сугробах, — сказал он. — Он позвонил, увидел, что никто не открывает, попробовал найти дорогу, но потом понял, что это безнадежно, и вернулся к нашей калитке».

Нам казалось, что дядя не возвращается целый час. Наконец он вернулся. «Никого там нет, черт побери! Это чьи-то шуточки! Никого, кроме проклятого пса, который воеет в ста метрах от стен! Если бы я захватил ружье, я пристрелил бы его, я заткнул бы ему глотку!» — в бешенстве ругался он.

Мы опять принялись за обед, но тревога не покидала нас; мы чувствовали: это не конец, что-то еще должно произойти, и колокол вот-вот зазвонит вновь.

И он зазвонил как раз в ту минуту, когда матушка начала резать крещенский пирог. Мужчины, все как один, встали. Дядя Франсуа, который уже хлебнул шампанского, объявил, что убьет «его», объявил с такой злобой, что матушка и тетя, желая его утихомирить, бросились к нему. Отец, вообще человек очень спокойный и даже до известной степени беспомощный (однажды, свалившись с лошади, он сломал себе ногу и с тех пор приволакивал ее), теперь заявил, что хочет узнать, в чем дело, и пойдет с дядей. Мои братья, одному из которых было тогда восемнадцать, а другому двадцать лет, побежали за ружьями; на меня особого внимания не обращали, но я схватил дробовик и решил присоединиться к экспедиции.

Вскоре мы двинулись в путь. Впереди шли отец и дядя, сопровождаемые Батистом, который нес фонарь. За ними следовали мои братья Жак и Поль, а позади всех плелся я, несмотря на уговоры матери, которая осталась стоять на пороге вместе со своей сестрой и моими двоюродными сестрами.

За час до того снова повалил снег, засыпавший деревья. Ели, которые стали похожи на белые пирамиды, на огромные сахарные головы, сгибались под тяжестью этого иссиня-белого покрыва; сквозь

серую пелену мелких, быстро падавших хлопьев едва виднелись тоненькие кустики, в темноте казавшиеся совсем белыми. Снег валил до того густой, что в десяти шагах ничего не было видно. Но фонарь бросал перед нами яркий свет.

Когда мы начали спускаться по винтовой лестнице, вырубленной в стене, я, признаться, струсил. Мне показалось, что за мной кто-то идет, что вот-вот кто-то схватит меня за плечи и утащит. Мне захотелось вернуться, но для этого пришлось бы снова пройти через сад, а на это у меня не хватало храбрости.

Я услышал, что калитка, выходившая на равнину, отворяется; дядя снова начал браниться: «Опять он удрал, дьявол его задави! Ну попадись ты только мне на глаза, уж я не промахнусь, сукин ты сын!»

Страшно было смотреть на равнину или, вернее, догадываться, что она перед тобой: ведь ее не было видно; видна была только бесконечная снежная завеса вверху, внизу, впереди, направо, налево — куда ни глянь.

«А собака-то опять воет! Что ж, я покажу ей, как я стреляю! Хоть до нее-то доберусь!» — снова услышал я голос дяди.

Но тут же я услышал голос доброго моего отца: «Лучше пойдем и возьмем к себе бедное животное, ведь оно воет от голода. Несчастный пес зовет на помощь, он обращается к нам, как обратился бы человек, попавший в беду! Пойдем к нему».

И мы тронулись в путь сквозь эту завесу, сквозь этот непрерывный густой снегопад, сквозь эту пелену, заполнявшую собой и ночь и воздух, колышавшуюся, колебавшуюся, падавшую и таявшую на коже, леденившую тело, леденившую так, как будто его пронзало сквозь кожу острой мгновенной бо-

лю при каждом прикосновении крошечных белых хлопьев.

Мы увязали по колено в мягкой холодной массе; чтобы сделать шаг, приходилось высоко поднимать ногу. По мере того как мы продвигались вперед, вой собаки становился все слышнее и громче. Вдруг дядя вскрикнул: «Вот она!» Все остановились, чтобы рассмотреть собаку, как это делают, встретив ночью врага.

Я ровно ничего не видел, но все-таки догнал взрослых и разглядел собаку, казавшуюся страшным, фантастическим созданием; это была большая черная овчарка с длинной шерстью и волчьей мордой, стоявшая в самом конце длинной световой дорожки, которую оставлял на снегу наш фонарь. Собака не двигалась; она замолкла и только смотрела на нас.

«Странно: она не подходит к нам и не убегает. Мне смерть как хочется всадить в нее пулю», — сказал дядя.

«Нет, надо взять ее с собой», — решительно возразил ему мой отец.

А мой брат Жак заметил: «Да ведь она не одна! Рядом с ней что-то стоит».

И в самом деле, за собакой стояло что-то серое, неразличимое. Все осторожно двинулись вперед.

Видя, что мы подходим, собака села. Она вовсе не казалась злой. Похоже было, что она скорее довольна, что люди пришли на ее зов.

Отец направился прямо к собаке и погладил ее. Она стала лизать ему руки, и тут мы увидели, что она привязана к колесу коляски, похожей на игрушечную тележку, обернутую несколькими шерстяными одеялами. Кто-то из нас бережно развернул

одеяла, и, когда Батист поднес фонарь к дверце колясочки, напоминавшей гнездышко на колесах, мы увидели там спящего ребенка.

Мы были до такой степени поражены, что не могли произнести ни слова. Отец первым пришел в себя, и, так как он был человеком отзывчивым и к тому же несколько восторженным, он положил руку на верх колясочки и сказал: «Несчастный подкидыш! Мы возьмем тебя к себе!» И велел Жаку катить нашу находку впереди всех.

Думая вслух, отец заговорил снова: «Это дитя любви; несчастная мать позвонила в мою дверь в ночь накануне Богоявления, прося нашего милосердия ради Христа».

Он снова остановился и, подняв голову к ночному небу, во весь голос четырежды крикнул на все четыре стороны: «Мы взяли ребенка!» Затем положил руку брату на плечо и прошептал: «Франсуа! А что было бы, если бы ты выстрелил в собаку?»

Дядя ничего не ответил, но широко перекрестился в темноте: несмотря на все свое фанфаронство, он был очень религиозен.

Собаку отвязали, и она пошла за нами.

Господи, до чего же радостным было наше возвращение домой! Правда, немало труда стоило нам втащить коляску по лестнице, прорубленной в стене, но в конце концов мы все-таки вкатили ее прямо в прихожую.

Какая смешная была мама, как она была рада и как растеряна! А четыре мои двоюродные сестры, совсем еще крошки, — самой младшей было шесть лет, — были похожи на четырех куропаточек, прыгающих вокруг гнезда.

Наконец так и не проснувшегося ребенка вытащили из коляски. Оказалось, что это девочка, ко-

торой было месяца полтора. В ее пеленках обнаружили десять тысяч франков золотом — да, да, можешь себе представить? — десять тысяч франков! Папа положил их в банк — ей на приданое. Да уж, на дочь бедняков эта девочка была не похожа... Скорее, это была дочь дворянина и простой женщины из нашего города... а может быть... Словом, мы строили уйму самых разнообразных предположений, но истины так никогда и не узнали... Ничего и никогда... Ничего и никогда... Да и собаку никто в наших краях не признал. Она была нездешняя. Как бы то ни было, тот или та, кто трижды позвонил в нашу дверь, хорошо знал моих родителей, коль скоро выбор его пал на них.

Вот таким-то образом, полутора месяцев от роду, мадемуазель Перль появилась в доме Шанталей.

Впрочем, «мадемуазель Перль» ее прозвали гораздо позже. А при крещении ей дали имя Мари-Симона-Клер, причем имя Клер должно было впоследствии стать ее фамилией.

Откровенно говоря, наше возвращение в столовую с проснувшейся малюткой, глядевшей на людей, на огни испуганными голубыми глазенками, со стороны могло показаться довольно забавным.

Мы опять сели за стол, и каждый получил свою порцию пирога. Королем оказался я, и я избрал королевой мадемуазель Перль, как сегодня — ты. Только в тот день она вряд ли понимала, какая ей оказана честь.

Девочку приняли в нашу семью и воспитали. Шли годы; девочка выросла. Она была хорошенькой, ласковой, послушной. Все ее любили и, вероятно, страшно избаловали бы, если б этому не мешала матушка.

СОДЕРЖАНИЕ

Отшельник. Перевод Ю. Корнеева	5
Мадемуазель Перль. Перевод Е. Любимовой	15
Розали Прюдан. Перевод А. Федорова	38
Папаша Амабль. Перевод Ю. Корнеева	43
Одиссея проститутки. Перевод Н. Жарковой	70
Порт. Перевод Ю. Корнеева	79
Разносчик. Перевод Ю. Корнеева	90
Пышка. Перевод М. Абкиной	99
Заведение Телье. Перевод М. Абкиной	156
Буатель. Перевод М. Абкиной	194
Поездка за город. Перевод Г. Рачинского	206
Папа Симона. Перевод Г. Рачинского	223
Подруга Поля. Перевод Г. Рачинского	235
Весною. Перевод Г. Рачинского	261
Сочельник. Перевод А. Чеботаревской	270
Мадемуазель Фифи. Перевод А. Чеботаревской	278
Госпожа Батист. Перевод А. Чеботаревской	296
Ржавчина. Перевод А. Чеботаревской	305
Полено. Перевод А. Чеботаревской	315
Мощи. Перевод А. Чеботаревской	323
Кровать. Перевод А. Чеботаревской	331

Пробуждение. Перевод А. Чеботаревской	336
Хитрость. Перевод А. Чеботаревской	343
Слова любви. Перевод А. Чеботаревской	351
Парижское приключение Перевод А. Чеботаревской	356
Ночь под Рождество. Перевод А. Чеботаревской	366
Заместитель. Перевод А. Чеботаревской	373

Мопассан Г. де

М 78 Пышка : новеллы / Ги де Мопассан ; пер. с фр. М. Абкиной, Н. Жарковой, Ю. Корнеева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-12150-8

Ги де Мопассан был и остается одним из самых читаемых и любимых французских авторов. На его книгах выросли поколения читателей. Пример непревзойденного психологизма и литературного мастерства представляют многочисленные новеллы Мопассана, начиная со знаменитой «Пышки», которые появлялись с поразительной быстротой и с той же быстротой переводились на иностранные языки. Они поражали читателя острой наблюдательностью и глубиной проникновения в человеческую душу.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ГИ ДЕ МОПАССАН ПЫШКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Нины Шабуниной
Корректор Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.12.2017. Формат издания $75 \times 100^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-20182-02-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус»
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».
Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги
для детей, иллюстрированные энциклопедии
по всем отраслям знаний,
историко-биографические издания.
Узнать подробнее о наших сериях
и новинках вы можете на сайте
Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки
из новых книг, узнать о различных мероприятиях
и акциях, а также заказать наши книги через
интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/